

А н т о н Я с н и ц к и й,
Е к а т е р и н а З а в е р ш н е в а

ОБ АРХЕТИПЕ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ КАК НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Российская психология возникла на богатой почве литературно-художественных, философских и естественно-научных традиций Серебряного века и оформилась как научный институт приблизительно в те же годы, что и мировая психология. И тем не менее в первые десятилетия своего развития она представляла собой прежде всего успешную адаптацию зарубежного опыта. За исключением учения об условных рефлексах, представленного школами Павлова и Бехтерева, в отечественной психологии не было других научных школ, которые могли бы стоять рядом с такими крупными зарубежными направлениями, как психоанализ или гештальтпсихология. Отечественная психология как наука, отличавшаяся оригинальным замыслом и новаторскими методами его реализации, обязана всеми своими достижениями именно советской эпохе, в первую очередь — периоду бурных 1920—1930-х годов, когда, собственно, и была сформирована основа «советской психологии».

Этот очерк посвящен советской психологии, которая формировалась в уникальном историческом, социальном и идеологическом контексте и долгое время существовала в условиях «закрытого» общества. Мы проанализируем процесс становления архетипа советской психологии, ее трансформации в сталинистскую науку; особое внимание будет уделено динамике отношений между психологией и социальными практиками, а также теми отличительным характеристикам советской психологии, что, за некоторым исключением, в той или иной форме сохраняются, пожалуй, и в настоящий момент. В нашей работе мы продолжаем собственные исследования (Yasnitzky & Ferrari 2008a, 2008b; Завершнева 2007, 2008a, 2008b; Ясницкий 2008, 2009) и опираемся, в частности, на важные труды современных специалистов по истории отечественной психологии (Богданчиков, Зинченко, Мещеряков, Умрихин и др.), написанные преимущественно в ключе интерналистской истории, или, по выражению современного классика истории психологии Курта Данцигера, в традиции *insider's history* (Danziger 1990, VII). Еще более важными были для нас фундаментальные исследования советской науки в ее социокультурном контексте, основательно изменившие наши прежние представления о «репрессированной науке» в страдательном залоге в пользу активного образа «сталинистской науки» (Stalinist science), сформировавшейся в Советском Союзе в 1930-е годы (Kojevnikov 2004; Kremensov 1997).

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП: РАЗВИТИЕ ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В 1920-е ГОДЫ

Карнавальность послереволюционной эпохи взметнула на самый верх социальной лестницы тех, кто до тех пор был обречен в лучшем случае эту лестницу поддерживать, пока по ней поднимались вверх немногие избран-

ные. Так, например, вчерашние выпускники университетов, зачисленные туда в рамках процентной нормы для евреев (порой даже по результатам лотереи), в одночасье становятся руководителями отечественной науки и активными соискателями все более высоких должностей и званий в советской академической иерархии (см., например, историю поступления в Московский университет Льва Симховича Выгодского (Мещеряков 2007), впоследствии — крупнейшего отечественного психолога Льва Семеновича Выготского (Levitin 1982; Van der Veer & Valsiner 1991; Фейгенберг 1996), или историю стремительного карьерного взлета Александра Романовича Лурия). Большевики исключительно высоко ставили науку, которая для них являлась одним из важнейших рычагов модернизации и преобразования всего народного хозяйства. Кроме того, весьма актуальным был вопрос о признании СССР за рубежом, и здесь трудно переоценить ту роль, которую играли в процессе укрепления его международной репутации известные деятели науки и культуры, примкнувшие к грандиозному большевистскому эксперименту по преобразованию человека и общества (в этом отношении очень характерен пример поразительной уступчивости и покладистости большевиков, сумевших убедить остаться в стране и склонить к сотрудничеству нобелевского лауреата И.П. Павлова, никогда не скрывавшего своей неприязни к новой власти).

Ресурсы, предоставленные новой властью советским ученым на развалинах старого мира, были весьма значительны, впрочем, и претендентов на свою долю в научном секторе бюджета страны было предостаточно. Все это привело к тому, что именно в послереволюционные годы, как грибы после дождя, возникают новые научные направления, объединения и исследовательские программы. Таким образом, в первые годы советской власти бурно развиваются также научные дисциплины, условно говоря, психоневрологического сектора, такие как педология (комплексная наука о детстве и развитии ребенка), психотехника (инженерная психология и психология труда, изучающие роль человеческого фактора в разных областях человеческой деятельности с целью ее рационализации), психогигиена (наука об укреплении нервно-психического здоровья, предупреждении и борьбе с нервно-психическими заболеваниями, а также соответствующая теория и практика оздоровительных мероприятий), психотерапия (планомерное пользование психическими средствами для лечения различных болезней и научная область, изучающая закономерности такого лечения), рефлексология (теория В.М. Бехтерева) и учение о высшей нервной деятельности (теория И.П. Павлова), психоанализ. Тогда же появляются новые амбициозные научные направления — дефектология (психология аномального развития и коррекционная педагогика) и реактология (поведенческая наука о системах реакций), отчасти схожие по механизмам самоутверждения с такими образованиями за пределами психоневрологического комплекса дисциплин, как мичуринская агробиология (Лысенко 1943) или яфетидология (Марр 1933; Мещанинов 1929). С 1928 года начали выходить новые научные журналы, такие как *«Психотехника и психофизиология труда»* (с 1932 года — *«Советская психотехника»*), *«Психология»* и *«Педология»*. Развитие всех этих отраслей и направлений поддерживалось созданием многочисленных научных сообществ и исследовательских институтов, общее число которых по стране, согласно официальной статистике, выросло с 289 в 1914 году до 1263 в 1929-м (Культурное строительство в СССР 1956, 244; Бастракова 1973; Кольцов 1982).

Первое официальное признание достижений советской психологии состоялось в 1929 году — на IX Психологическом конгрессе в Йельском университете делегация от СССР была третьей по величине из неамериканских делегаций (после Великобритании и Германии). Крупнейшие международные конференции по психотехнике (VII International Congress of Applied Psychology, or Psychotechnics, 1931) и физиологии (XV International Physiological Congress, Ленинград—Москва, 1935), прошедшие в 1930-е годы в Москве и Ленинграде, лишь закрепили успех отечественных психоневрологических наук. Интерес к советской психоневрологии был настолько велик, что ряд американских специалистов в 1930-е годы посетили СССР с тем, чтобы ознакомиться с положением дел в области психоневрологических дисциплин и соответствующих им общественных практик (Berman 1939; Dewey 1928/1984, 1929/1990; Schultz & McFarland 1935; Viteles 1938; Williams 1934a, 1934b; Zacharoff 1931).

Итак, что же собой представляли эти многочисленные психоневрологические научные дисциплины и, в частности, каково было место психологии среди них? Одной из ведущих задач переживаемой эпохи представлялась «перековка человека», создание нового вида людей, которые овладеют собственной природой и раскроют ее неизвестные возможности. Тут можно отметить сразу много факторов — и большевистский (и социалистический вообще) политический проект, и авангардно-проективный потенциал, в духе Малевича или поклонников вагнеровского Gesamtkunstwerk. За этой идеей стоял пафос безграничного расширения потенциала личности и ее активного, творческого отношения к миру. Именно поэтому в 1920-е годы на первый план выходит вопрос о специфической природе человека, его сущности, об особых, внеприродных законах его развития, которые не наследуются генетически, но транслируются посредством социума и культуры. Забегая вперед, отметим, что этот замысел, напоминающий утопические проекты времен Ренессанса и раннего Нового времени, в полной мере реализовать не удалось. Уже в начале 30-х годов социальное выходит на первый план, постепенно оттесняя культуру, и проблема личности — а также сознания, воли и эмоций — перестает быть проблемой. Целые научные области фактически изымаются из исследовательских программ, личность канонически трактуется (вслед за Марксовой цитатой) как система общественных отношений, перенесенных во внутренний план, сознание — как отражение реальности (несмотря на то, что само слово «отражение» нивелирует тезис об активной, творческой природе сознания), а развитие личности ставится в зависимость прежде всего от общего идеологического контекста эпохи (см., например: Эткинд 1990, 2005; Rütting 2002).

В середине 1920-х годов Л.С. Выготский (под заметным влиянием Л.Д. Троцкого), вдохновленный идеей переустройства мира и создания нового человека, весьма популярной в те годы среди левой интеллигенции и партийных работников, приступает к радикальной ревизии положения дел в современной психологии и пишет манифест новой науки о новом человеке — «Исторический смысл психологического кризиса» (Завершнева 2009)¹. Констатируя кризис в психологии, который выражался в том, что

1 Особое внимание, уделяемое именно этой работе Выготского, отражает вполне осознанные профессиональные интересы и предпочтения (research bias) авторов этой статьи.

под родовым именем «психология» скрывается множество психологических направлений и школ, практически не пересекающихся между собой и исследующих разные аспекты человеческого бытия, Выготский предлагает свой проект будущей психологии, которая должна иметь общий для всех направлений теоретический базис и обеспечивать не просто тесное взаимодействие, но *единство* психологической теории и практики. Согласно Выготскому, практика должна была стать тем пробным камнем, на котором требовалось испытать основные положения марксизма — требование, которое Выготский предъявил не только философии Маркса, но и учениям Декарта, Спинозы и Гегеля. Данное требование можно было бы расценить как радикальный вызов философии, которая всегда позиционировала себя как теоретический взгляд на мир, однако оно являлось и продолжением идей Маркса о революционном обновлении мира. Психологии в этом деле отводилась особая роль, поскольку она должна была найти те способы переплавки и воспитания нового человека, которые впоследствии внедрялись бы на массовом уровне и привели бы к созданию народа будущего. В скобках заметим, что Выготский и его единомышленники отличались своего рода культурным прозелитизмом, перед ними стояли не только сугубо научные цели — реальный мир вокруг лежал в руинах, требовалось в короткие сроки ликвидировать беспризорничество и неграмотность, реанимировать систему образования, прежде всего школьного, наладить врачебную помощь и обучить огромное количество людей новым профессиям. Не абстрактный теоретический интерес, а именно запросы практики вызвали бурное развитие прикладных психоневрологических дисциплин и различных отраслей, так или иначе связанных с конкретной действительностью.

Заметим, что подход Выготского не ограничивался рамками психологии как отдельно взятой науки; Выготский стремился к созданию своего рода парадигмы, которая теоретически могла бы распространиться на все науки о человеке, комплексного подхода, в котором дисциплины разного уровня и разной направленности работали бы согласованно и опирались на общее философское основание.

Вопрос философского базиса, однако, решался в те годы во вненаучной плоскости. Так, в 1921–1922 годах в Советском Союзе прошел ряд переломных политических процессов, которые позволяют четко проследить тенденции будущего развития государства и общества. Заключительным аккордом в формировании нормативного «двоемыслия» (*doublethink*) (см.: Ясницкий 2009) в стране стала «высылка из России меньшевиков, энесов, п-с-ов, кадетов и т.п.» (Ленин 1999, 544–545; цит. по: Макаров 2002), — выдворение инакомыслящей интеллигенции в конце 1922 года из страны на знаменитом «философском пароходе» (Коган 1993; Макаров 2002; Макаров & Христофоров 2003).

Следовательно, уже к середине 1920-х годов становится очевидным, что в Советском Союзе закрепляется политическая монополия партии большевиков, а идеология марксизма-ленинизма объявляется единственным официальным мировоззрением, роль же философского базиса и общеметодологической рамки в науке должна была безальтернативно выполнять марксистская философия. И действительно, марксистская психология быстро становится магистральным направлением, а ее представители планомерно вытесняют из науки прочие подходы и постепенно сосредоточива-

АНТОН ЯСНИЦКИЙ, ЕКАТЕРИНА ЗАВЕРШНЕВА

ют в своих руках все исследовательские ресурсы. Так, в 1923—1924 годах группа «психологов-марксистов» во главе с К.Н. Корниловым добивается не только отставки Г.И. Челпанова с поста директора Психологического института, но и реорганизации этого учреждения, которое становится оплотом «марксистской психологии».

Что же касается общей психоневрологической теории, то на момент написания «Исторического смысла психологического кризиса» претендентов на эту роль было несколько — бихевиоризм, гештальтпсихология, психоанализ, персонализм, бехтеревская рефлексология и павловская физиология высшей нервной деятельности. Из западных учений в СССР укоренился только психоанализ, который, впрочем, незаметно угас к концу 1920-х годов после отстранения от власти и высылки из страны его главного покровителя, Льва Троцкого. Персонализм В. Штерна имел ограниченное влияние на умы советских психоневрологов (преимущественно благодаря работам И. Шпильрейна, который вплоть до начала 1930-х годов открыто заявлял о своей приверженности этому течению). Еще один претендент на роль общей парадигмы — гештальтпсихология, возникшая в Германии и популярная в немецком и американском научных сообществах, несмотря на непродолжительное увлечение «структурной психологией» в Советском Союзе, в конечном счете так и не смогла получить существенной поддержки в советской науке (Scheerer 1980).

Целый ряд психоневрологических подходов, возникающих в те же годы, заявляет о своей ориентации на объективные методы исследований и марксистскую идеологию. Новый директор Психологического института К.Н. Корнилов с 1921 года разрабатывает «реактологию» — свою версию марксистской психологии, которую он с 1922—1923 годов позиционирует как единственно верное учение о психической природе человека (Kornilov, 1930; Корнилов 1923, 1924; Богданчиков 1999). В 1923—1924 годах он привлекает к работе молодых специалистов, которые, впрочем, вскоре расходятся с ним во взглядах и становятся самостоятельными фигурами в советской науке (Артемов, Бернштейн, Выготский, Геллерштейн, Добрынин, Лурия и другие). Уже к концу 1920-х годов стало ясно, что амбициозная реактология Корнилова оказалась весьма узкой и уязвимой в теоретическом отношении, к тому же она не была интегрирована ни в одну из теорий среднего уровня и не смогла выйти за пределы лабораторных экспериментов. Примечательны также примеры «марксистской рефлексологии», где «марксизм» не проник дальше обложки книги Бехтерева «Психология, рефлексология и марксизм» (Бехтерев 1925), и советский вариант психоанализа, при поддержке Троцкого активно развивавшийся в СССР в 20-е годы (Ермаков, О. и В. Шмидт, С. Шпильрейн, Лурия и другие) под лозунгом соединения идей Маркса и достижений Фрейда (Лурия 1924; Фридман 1924). Отметим также попытки интеграции в психоневрологические науки философии марксизма, предпринимавшиеся видными психологами и педологами того времени — Ананьевым, Блонским, Басовым, Выготским, Залкиндом, Рубинштейном и многими другими. Следует заметить, однако, что большинство новоиспеченных марксистов зачастую пользовались соответствующим лексиконом в целях риторических. Как правило, термин «марксизм» использовался как синоним термина «материализм» для размежевания с «идеализмом», «витализмом», «антимонизмом», «метафизикой» и другими врагами объективной психологии (Krementsov 1997, 27). Этот специфический квазимарксистский дискурс,

возникающий в 1920-е годы как риторический прием легитимации научно-психологических исследований, уже к середине 1930-х годов становится единственно возможным языком, на котором изъясняются специалисты по психоневрологии, и это положение дел *de facto* сохраняется до конца 1980-х годов. Впрочем, не стоит сбрасывать со счетов и искренних попыток разработки подлинно марксистской психоневрологии. Однако ввиду обязательности и безальтернативности марксизма в печатных работах того времени представляется чрезвычайно сложной задачей определить степень подлинности увлечения диалектическим материализмом у того или иного автора, заявившего свою приверженность марксистскому учению, равно как и оценить «аутентичность» марксистской версии психоневрологической науки, получившейся в результате такого увлечения (ср.: Дмитриев 2007).

Суммируя сказанное выше, можно охарактеризовать 1920-е годы как период становления оригинальных научных школ и интеграции советской психологии в мировую науку. Кроме того, это был период фундаментальных междисциплинарных исследований, как теоретических, так и практических, которые советские психологи и педологи проводили в тесном сотрудничестве со специалистами из области медицины, педагогики, инженерии, искусствоведения, языкознания и др. (см., например: Булгакова 2007). В итоге можно говорить о формировании к концу 1920-х годов иерархической системы психоневрологических наук, в которой мостом от философии к практике служили теории общего и среднего уровня, а также прикладные дисциплины.

ФОРМИРОВАНИЕ СТАЛИНИСТСКОЙ НАУКИ В 1930-е ГОДЫ И СТАНОВЛЕНИЕ АРХЕТИПА СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Великий перелом — крупнейший проект тотальной мобилизации всего общества, приведший к радикальным преобразованиям в экономике, властных структурах и национальной политике, — выдвигает на рубеже 1920–1930-х годов на первый план новые лозунги и идеологемы. Доминирующая идея этого десятилетия — введение тотального контроля и централизации.

«Зачистка» интеллектуального поля началась провозглашенной Сталиным в 1929–1930 годы «борьбой на два фронта» — против «механицизма» и «меньшевиствующего идеализма». Поражение двух соперничавших групп философов-марксистов, так называемых «механистов» (Л. Аксельрод, А.К. Тимирязев) и «диалектиков» (А.М. Деборин и др.), привело к тому, что уже в начале 1930-х годов советский марксизм окончательно окостенел и превратился в догму, а «диалектический материализм» в результате ликвидации возможности диалога, по сути, утратил свою «диалектическую» составляющую (Коган 2002; Огурцов 1989; Яхот 1991). С политической точки зрения ревизия принципов марксизма являлась, по всей видимости, необходимым шагом к введению тотального государственного контроля над всеми сферами жизни советских граждан и общественных институтов страны.

Основными явлениями, характеризующими слияние партийно-государственных и научных органов в единое гибридное образование «сталинистской науки» (*Stalinist science*), были цензура и, что важнее, самоцензура,

АНТОН ЯСНИЦКИЙ, ЕКАТЕРИНА ЗАВЕРШНЕВА

освоение научным сообществом ритуалов так называемых «публичных дискуссий», «самокритики» и юбилеев, бюрократизация научных институтов, введение механизмов административного планирования и отчетности в научную практику. В научный дискурс окончательно входят элементы партийной риторики и лексикона «новояза», разнообразные наборы «кочующих цитат» из работ вождей партии и классиков марксизма-ленинизма или «отцов-основателей» (Krementsov 1997). Исключительно важным инструментом контроля над наукой в кадровой политике было введение и в этой области института номенклатуры (Voslensky 1984). Обычно принято говорить о номенклатуре партийных должностей и структуре государственно-партийной власти в Советском Союзе; при этом зачастую выпускается из внимания тот факт, что «назначались по Номенклатурам не только члены партии, но и беспартийные», более того, в номенклатуру партийных органов входили «все основные руководители госаппарата: члены коллегий наркоматов, главные бухгалтеры и главные инженеры, директора заводов и фабрик, начальники леспромхозов и зав. базами, складами, конторами, трестами, синдикатами, послы, консулы, т.д.» (Коржихина & Фигатнер 1993, 28). На практике введение номенклатурного принципа кадровых назначений в науке означает, что все кандидаты на ключевые должности в научно-исследовательских и образовательных организациях, от президента Академии наук СССР до заведующего лабораторией института, должны были предварительно утверждаться партийной инстанцией соответствующего уровня. Так, «должность президента, вице-президента и научного секретаря таких центральных организаций, как Академия наук СССР или ВАСХНИЛ, были в номенклатуре Политбюро. Должность директора института или редактора журнала были в номенклатуре Секретариата Центрального Комитета. Назначение заведующего лабораторией было номенклатурой районного комитета партии. Даже должность библиотекаря в научном институте была в номенклатуре местного комитета партии» (Krementsov 1997, 40–41). Таким образом, институт номенклатурных назначений был основным инструментом осуществления контроля партии над научным сообществом на всех без исключения уровнях научной иерархии.

В результате процессов централизации всей общественной жизни после Великого перелома, с начала 1930-х гг. изменяется и структура общественных наук в стране. Освоение научным сообществом принципов *партийности* и ориентации на практику коренным образом изменило исследовательскую парадигму в психоневрологии и вызвало трансформацию уже налаженной системы отношений между общими и прикладными науками. В итоге на месте прежней разноуровневой структуры возникла упрощенная двухуровневая организация, состоящая из двух гибридных образований: 1) квазимарксистской философии, слившейся с общей теорией и фактически поглотившей последнюю, и 2) социальной практики и потонувшей в ней системы прикладных дисциплин:

1920-е гг.: четыре уровня психоневрологических наук	Конец 1930-х гг.: два гибридных уровня психоневрологических наук
1. Марксистская философия 2. Общие науки 3. Прикладные науки 4. Социальные практики	1. Марксистская философия и общая наука 2. Социальная практика и прикладные науки

В области психоневрологических наук «великий перелом» начался на Первом Всесоюзном съезде по изучению поведения человека (так называемом «поведенческом съезде»), проходившем в январе 1930 года в Ленинграде (подробнее о съезде см.: Богданчиков 2002, 2007). Практически уже на самом «поведенческом съезде» в начале 1930 года начинается крупномасштабная *all-out war*, война всех против всех, явных победителей в которой не было и, по-видимому, быть не могло (Эткинд 1990). Прения органично продолжились на I съезде по психотехнике (Ленинград, май 1931 года) и в серии «публичных дискуссий» начала 1930-х годов, в результате которых были повержены два амбициозных научных проекта — реактология Корнилова и рефлексология Бехтерева (Умрихин 1991). Реактологические и рефлексологические дискуссии не только привели к исключению двух конкретных теорий, претендовавших на доминирование над всем сегментом психоневрологических наук, но и с непреложной ясностью обозначили новую тенденцию в понимании роли общей психоневрологической теории. Ананьев, ревностный рефлексолог в 1930 году и лояльный психолог-марксист уже год спустя, оставил, наверное, лучшую характеристику этого процесса: «В психологии не должно быть никаких школ, кроме единственной, основанной на трудах классиков марксизма» (Ананьев 1931, 341).

Сталинский «Великий перелом» и идея тотальной мобилизации всего общества интенсифицировали межвидовую борьбу внутри комплекса прикладных психоневрологических дисциплин и научных теорий среднего уровня. В начале 1930-х гг. под шквальный перекрестный огонь критики попали все наиболее яркие представители психоневрологических наук. Результаты такой «дружеской критики» не замедлили сказаться. Так, уже в конце 1930 года Психологический институт был преобразован в Институт психологии, педологии и психотехники, а в 1932 году «психология» исчезает как отдельная рубрика из номенклатуры наук *Большой советской энциклопедии*, где она числилась подотделом в общем отделе *Естествознание и точные науки* (с самого начала этого проекта в 1926 году); взамен появляется общая рубрика «психоневрологические науки». В 1932 году закрываются московские журналы «Психология», «Педология» и журнал ленинградского Института мозга им. В. М. Бехтерева «Вопросы изучения и воспитания личности», на два года их пережил журнал «Советская психотехника», закрытый в 1934 году.

В недолгий, но весьма важный в перспективе период относительной «передышки» середины 1930-х годов, по всей видимости, очень своевременной и стратегически исключительно значимой была публикация базовых статей по психологии и вопросам марксизма (Геллерштейн 1933а; Рубинштейн 1934), которые не только дали недвусмысленный сигнал властям о теоретической зрелости советских психологов и их готовности к построению марксистской психологии, преодолевающей крайности как «механицизма», так и «меньшевиствующего идеализма», но и вооружили необходимым языком и политически выдержанной фразеологией будущие поколения отечественных психологов. Послание достигло своей цели, и власть благосклонно отнеслась к предложению диалога со стороны психологов. Об этом мы можем судить по взрыву публикаций по психологической тематике в 1934—1935 годах. Среди наиболее знаковых публикаций этого времени стоит отметить целую серию психологических книг — учебников и научных монографий, — написанных, скорее всего, в предшествующий период и вышедших за время «потепления» в стране (например:

Ананьев 1935; Выготский 1934а, 1935b; Занков, 1935; Корнилов 1934; Левина 1936; Рубинштейн 1935; Якобсон 1936)². Это позволяет предположить, что психология начала свое успешное возвращение в пантеон официально признанных наук, свидетельством чему является тот факт, что во второй половине 1935 года психология была восстановлена в номенклатуре научных дисциплин *Большой советской энциклопедии* (см. том 29 БСЭ, который был сдан в производство 7 августа, а подписан к печати 21 декабря 1935 года). Впрочем, надо заметить, что педологи, порой совершенно неотличимые от психологов, не отставали от последних в продвижении своих трудов в печать (Блонский 1934, 1936; Выготский 1934b, 1935a; Узнадзе 1933; о специфическом статусе других сравнительно «новых» наук о человеке в ранний советский период см.: Батыгин, Девятко 1994; Соловей 1997).

Поворотным моментом в истории психоневрологических наук в СССР стало известное постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» от 4 июля 1936 г. (http://lawrussia.ru/texts/legal_586/doc586a100x809.htm). Этот декрет, запрещавший использование методов тестирования в науках о человеке, оказался беспрецедентным силовым вмешательством партии в науку: до этого момента партийные руководители предпочитали действовать за кулисами и решать задачи административного разрешения конфликтов руками самих же специалистов в той или иной, чаще всего смежной и конкурирующей, области. В результате «педологического постановления» целая научная область — педология — и сопутствующие ей общественные практики и институты были закрыты, а ее представителям было рекомендовано переквалифицироваться в педагоги. Заодно с педологией пострадала и психотехника, которая хоть и не была запрещена постановлением 1936 года, но автоматически подпала под его действие из-за повсеместного активного применения в ней системы тестирования — в прикладной работе и в исследовательской практике. Психотехники в основной своей массе мигрировали в другие области, например в психологию труда, психофизиологию или физиологию движения, а представители педологии перешли в относительно безопасные области психологии и педагогики. Впрочем, безопасность в то время была весьма условной: постановление о педологических извращениях лишь на пару месяцев предшествовало началу судебного процесса по делу объединенного троцкистско-зиновьевского центра (август 1936 года), запустившего маховик Большого террора, в ходе которого многие ученые были уничтожены без какой-либо видимой логики и вне какой бы то ни было связи с их собственно научными достижениями и пристрастиями.

Педологическое постановление нанесло удар и по психологам, оказавшимся перед необходимостью размежевания с опальным учением педологов, что в случае целого ряда видных психоневрологов, например Басова, Блонского или Выготского, работавших сразу в двух этих областях, оказалось задачей весьма нетривиальной. С другой стороны, Большой террор внес определенную сумятицу в устоявшиеся схемы патрон-клиентских отношений между научными деятелями и партийным руководством страны,

2 Детальный обзор основных публикаций по психологии этого периода можно найти в недавней работе С. Богданчикова, предлагающего трактовку исторических событий, которая заметно отличается с нашей интерпретацией, предложенной в этой статье (Богданчиков 2008).

представленным Политбюро ЦК, а чаще всего персонально Сталиным. Тем не менее осенью 1938 года наступил конец Большого террора, а к 1939 г. связи между учеными через посредство высокопоставленных *переговорщиков* (spokesmen, т.е. посредников между научным и партийным руководством, представителей конкретных дисциплин) и партийно-государственным аппаратом были налажены вновь (Krementsov 1997). Таким образом, по итогам периода 1936–1938 годов, ознаменовавшегося постановлением о педологии и массовыми репрессиями в стране, оказалось, что была произведена непреднамеренная «зачистка» места для будущей психологии: педология была ликвидирована, а конкуренция со стороны смежных научных дисциплин окончательно устранена. Во второй половине 1930-х — начале 1940-х годов получают звания доктора наук по психологии такие ученые, как Корнилов, Узнадзе, М. Лебединский, Лурия, Рубинштейн, Теплов, Леонтьев, Ананьев и Занков. Они же занимают административные посты в соответствующих организационных и научных структурах с конца 1930-х годов. К концу 1930-х также выходит серия книг по психологии, включающая фундаментальные разработки, сборники экспериментальных исследований и учебники (Занков 1939; Занков & Данюшевский 1940; Занков & Соловьев 1940; Корнилов, Теплов & Шварц 1938, 1941; Костюк 1939, 1941; Рубинштейн 1940; Узнадзе 1940).

Говоря об успехе психологии, нельзя не упомянуть и неудачников межвидовой борьбы среди психоневрологических дисциплин, таких как психигиена или психотехника. В отличие от педологии, официально запрещенной постановлением партии, эти прикладные дисциплины, вопреки расхожему мнению, бытующему среди отечественных историков психологии, никогда не были формально запрещены, а их исчезновение, скорее всего, связано с их планомерным и сравнительно бесконфликтным отмиранием. Основной причиной этого, как уже было сказано, следует считать изменение социального запроса на научные исследования в эпоху после Великого перелома, в результате чего востребованность психигиенических или психотехнических мероприятий в стране — в контексте выстраивавшейся тогда модели власти и общества — резко сократилась. И все же не стоит недооценивать и роль личностного фактора института *переговорщиков* (spokesmen), призванного в значительной мере выстраивать и определять принципиальные отношения между научной дисциплиной и властью на верхних этажах социальной иерархии. Технология переговорного процесса того времени включала в себя не только научные публикации, участие в работе административных научных органов и публичные выступления, но и прямое обращение к лидерам партии в виде писем, отправляемых персонально тем или иным основным «игрокам», в первую очередь, например, на имя членов Политбюро. Отличное владение партийным «новоязом» и отменное чутье на политическую конъюнктуру, помноженные на личные связи, административный талант и дар убеждения, составляли, по всей видимости, основу успеха как в переговорном процессе с властью, так и в организации советской науки. Институт переговорщиков был характерен для всей организации советской науки, существовал вне зависимости от конкретной научной дисциплины и был представлен такими видными научными деятелями, как, например, Николай Вавилов (биология), Александр Ферсман и Владимир Обручев (геология), Абрам Иоффе и Петр Капица (физика) (Krementsov 1997, 22). В психоневрологических науках борьба за роль официальных переговорщиков, представ-

АНТОН ЯСНИЦКИЙ, ЕКАТЕРИНА ЗАВЕРШНЕВА

лявших разные научные направления, начатая в 1920-е гг., не прекращалась до середины 1930-х годов. Официальными лидерами советской психогигиены в стране и ее представителями за рубежом были Арон Залкинд, Лев Розенштейн и Леон Рохлин (Rosenstein 1930/1932; Salkind 1930/1932). В период с 1934 по 1937 г. эта область потеряла всех трех своих лидеров и основных переговорщиков: Л.М. Розенштейн (1884–1934) и А.Б. Залкинд (1888–1936) скончались в середине 1930-х годов (Овчаренко & Марцинковская 2005; Савенко 2004), а Л.Л. Рохлин был арестован в 1937 году. Несмотря на то, что Рохлин вышел на свободу в 1938 году, он был дискредитирован и уже не мог влиять на процессы большой научной политики в стране (Савенко 2003). Психогигиена, лишившись своих переговорщиков, так и не смогла выдвинуть из своей среды достойную замену этим мастерам переговорно-организационного дела, и, за ненужностью, тихо отошла в небытие уже к концу 1930-х годов. Сходная судьба постигла и психотехнику, в середине 1930-х потерявшую в результате репрессий таких своих лидеров, как И.Н. Шпильрейн (арестован и приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей в марте 1935 года, вторично приговорен, к высшей мере наказания, и расстрелян в конце декабря 1937 года) и А.К. Гастев (арестован в сентябре 1938 года, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в апреле 1939 года) (см.: Мемориал). Оставшийся в живых С.Г. Геллерштейн, лидер психотехнического движения, еще в начале 1930-х годов определял психотехнику как «практическую психологию» (Геллерштейн 1930), как «отрасль психологии, изучающую роль “психологического фактора” в различных областях человеческой деятельности с целью ее рационализации» (Геллерштейн 1933b), или даже как марксистскую «психологию труда» (Геллерштейн 1933a), не настаивал на ее особом статусе как отдельной науки. Это способствовало, с одной стороны, ребрендингу психотехники как одной из областей психологии, а с другой стороны, ее последующей интеграции в психологию в середине 1930-х и фактическому сохранению как психологии труда, получившей развитие в 1960-х годы под именем «инженерной психологии».

К концу 1930-х годов формирование сталинской науки в целом подошло к концу. Институциональное завершение становления советской психологии следует отнести к середине 1940-х, точнее, ко времени учреждения в стране специализированных Академий наук, таких как Академия педагогических наук РСФСР (1943) и Академия медицинских наук СССР (1944), и возвращения психологии как учебного предмета в школьную программу в 1946/47 году (Стоюхина 2006). С другой стороны, далеко не в последнюю очередь благодаря усилиям своего единственного представителя в академической науке, С.Л. Рубинштейна, лауреата Сталинской премии (1942) и члена-корреспондента Академии наук СССР (с 1943 года), советская психология позиционировалась как марксистско-ленинское учение о человеке, непосредственно примыкающее к марксистской философии диалектического и исторического материализма. Так, например, психологическое отделение, на котором впервые в стране осуществлялась подготовка профессиональных психологов, было открыто в 1943 году на философском факультете Московского университета. Таким образом, к середине 1940-х годов психология сохранила свои позиции относительно самостоятельной дисциплины, хотя и подчиненной как другим наукам, в первую очередь педагогике и медицине, так и социальным практикам, например задачам подготовки кадров в военном деле, а несколько позднее —

в космонавтике и индустрии. В свою очередь, поверженные психоневрологические науки (педология, психотехника и т.п.) были психологией поглощены и ассимилированы, а история психоневрологических наук была переосмыслена как история становления марксистской психологии.

Последствия процессов бурного десятилетия 1930-х в психологии зафиксированы в книге Раймонда Бауэра «Новый человек в советской психологии» (*The new man in Soviet psychology*). В 1952 году, за год до смерти Сталина, Бауэр, оглянувшись, увидел лишь руины того, что представляла собой советская психология накануне Великого перелома:

С первых дней установления большевистской власти и по настоящее время [то есть на начало 50-х годов] психология в СССР претерпела целый ряд основополагающих изменений (если угодно, — революций), которые могут быть поняты лишь как функция социальных и политических условий [развития науки] в Советском Союзе. Из эмпирически ориентированной, относительно независимой науки, нацеленной на изучение всеобщих закономерностей, которые были бы приложимы к социальной жизни людей, психология превратилась в относительно антиэмпирическую, прикладную науку, принужденную подчинять теорию запросам практики. Она стала более узкой и по охвату тем: на месте комплексной дисциплины, изучавшей животных и человека, нормальное и патологическое развитие ребенка и взрослого, возникла другая, сфокусированная преимущественно на исследовании нормального ребенка. В недавнем прошлом сфера приложений советской психологии включала в себя инженерную психологию, медицинскую и патопсихологию, криминологию и правонарушения у подростков, исследования общественных ценностей и установок, детскую и педагогическую психологию, тестирование, психодиагностику и школьную психологию. Кроме того, проводилась значительная теоретическая работа и допускались самые разнообразные теоретические позиции. В наши дни практически все прикладные дисциплины ограничены задачами разработки приемов школьного обучения и формирования «нового советского человека». Некоторым исследователям позволено работать в области медицинской психологии, однако большая часть прикладных тем для них закрыта при том, что допускается лишь одна теоретическая позиция (Baueer 1952, 4–5).

АРХЕТИП СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ: НАБРОСКИ К ПОРТРЕТУ

Итак, обратимся к архетипу советской психологической науки, сформировавшемуся к концу 1930-х годов, и перечислим основные характеристики советской психологии как научной дисциплины и социальной практики, определяющие, по нашему мнению, ее формы и содержание на протяжении целого ряда десятилетий истории этой научной дисциплины:

1. *Разрыв между теорией и практикой*, вызванный в первую очередь исключительной идеологизацией и политизацией общей психологической теории (Богданчиков перечисляет такие обязательные атрибуты «советской психологии», как а) марксистская, б) идеологическая, в) воинствующая и г) передовая (Богданчиков 2006)), который сохранился до наших дней, несмотря на активные попытки интеграции отечественной психологии в мировую психологическую практику, в частности психотерапию. Характерна также критика этого разрыва изнутри самой советской психоло-

гии; в особенности ценно указание на его идеологическую природу: «...Вообще в концепции Леонтьева, так же как и в рассуждениях многих других психологов, оказался вынесенным за скобки анализ собственно психологического процесса развития потребностей, то есть процесса их перехода в качественно новые формы. Эту проблему он пытается разрешить в абстрактно-теоретическом плане, прибегая к данным истмата [то есть исторического материализма] там, где ему не хватает конкретных психологических данных. И это понятно, так как экспериментальных исследований в этой области, на результаты которых он мог бы опереться, еще очень мало» (Божович 1972, 14).

2. *Устойчивость к смене теоретической и методологической рамки*, своим следствием имеющая предельную гибкость и выживаемость науки в целом, зачастую за счет качества конкретных эмпирических исследований и обобщающих теоретических разработок. Прошедшая через периоды тотальной «павловизации» (то есть перестройки психологии в соответствии с учением И.П. Павлова о высшей нервной деятельности), господства деятельностного, а затем системного подхода, некогда безальтернативно марксистская психология на удивление легко пережила крушение «марксистской» парадигмы в конце 1980-х годов и проходит сейчас, предположительно, одновременно процессы «вестернизации» и «выготскизации», что выражается, в частности, в изменении обязательного набора «кочевых цитат», используемых на первых страницах публикаций.

3. *Последовательное избегание «идеалистических» исследовательских тем*. Любопытно, что в устах ученых старших поколений образ «дырявого моста» как метафоры запретной или, по меньшей мере, крайне нежелательной и потенциально опасной области исследования неоднократно встречается в воспоминаниях о них у В.П. Зинченко, одного из современных классиков отечественной психологии. Так, говоря о книге своего учителя А.В. Запорожца, написанной по материалам его докторской диссертации (Запорожец 1960), Зинченко отмечает: «По существу, эта книга должна рассматриваться как вклад в решение вечных проблем психологии: свободы воли и свободного действия. Но 35 лет тому назад обсуждать эти проблемы в нашей стране было не модно. В моде еще были рефлекс и «охранительное торможение». А.В. Запорожец и мне советовал не становиться на «дырявый мост» философско-методологической проблематики психологии» (Зинченко 1995). Зинченко, вспоминая свои разговоры с П.Я. Гальпериным, одним из ведущих советских психологов, свидетельствует, что на высказанное недоумение по поводу теории Гальперина, согласно которой «результатом мышления является построение образа того или иного явления», но при этом по непонятной причине в процессе «поэтапного формирования умственных действий отсутствует этап образного, или визуального, мышления, этап формирования, оперирования, манипулирования образами», услышал в ответ от автора этой теории: «Володя, не толкай меня на дырявый мост феноменологических упражнений, в этом слишком сложно разобратся» (Зинченко 1993). В приведенной цитате очевидна идеологическая подоплека: «феноменологические упражнения», по политическим соображениям, в контексте советской науки того времени были небезопасны. В результате систематического уклонения от разработки «идеалистической» проблематики оказалось, что, несмотря на изначальную антиредукционистскую ориентацию целого ряда советских психологических теорий, исследования таких «человекоцентрических»

тем, как смыслообразование, страх и гнев, дисциплина и подчинение, переживание и аффект и т.п., составили основной смысл и главное завоевание послевоенных исследований западной «гуманистической психологии» и не попали в сферу практических интересов советской психологии.

4. *«Двоемыслие» в публичных текстах как реакция на цензуру*, репрессии, внешние ограничения партийного «новояза», самоограничения в печатном выражении мысли и относительная самостоятельность устной традиции и предания (см.: Ясницкий 2009); прогрессивность этого дискурса, по крайней мере в период 1930—1950-х годов, в его постоянном натяжении, напряжении мысли, которая продавлирует себе путь сквозь цензуру и самоцензуру и создает себе языковое пространство, в котором можно жить и работать. Нельзя в этой связи не упомянуть таких мастеров жанра, как, например, Л.И. Божович, Б.В. Зейгарник или, скажем, Ф.В. Бассин, который своей «подрывной» деятельностью смог обратить реки вспять и вернул подсознательное в советскую психологию и окрестные науки (Ротенберг). В контексте нашего обсуждения темы «двоеречия» характерно такое высказывание о Бассине:

Чтобы по достоинству оценить блестящее искусство Ф.В. Бассина как теоретика и полемиста, надо хорошо знать эпоху, в которую ему пришлось работать. Это было время, когда новые пути в науке и даже любые отклонения от принятых стереотипов, освященных авторитетом классиков марксизма-ленинизма, следовало облекать в идеологически приемлемые формы. В его лице отечественная психоневрология имела человека настолько большой рефлексии, что он мог позволить себе дружелюбно трепать самых злых церберов цензуры, официальных и добровольных, беря их шкуру на шею, морде, зашивке в складку, ласково заговаривая их бдительность. Необыкновенная непринужденность и изящество, с которыми он это проделывал, удивительно сочеталась с его насмешливо ироничным вольтерианским обликом (Савенко 2006).

Вот именно в этой драме, конфликте, коллизии между наукой и новоязом и в рождении «научного двоееречия» и двоемыслия мы видим исключительно выготскианское понимание истории психологии в Советском Союзе, где ни индивид, ни — и в этом, пожалуй, весь пафос! — среда, социум, всего не определяют, а происходит создание чего-то нового, не сводимого исключительно к «своеволию» первого или «репрессивности» второго (ср. введенное Выготским понятие социальной ситуации развития). Безусловно, явление двоееречия не ограничивается исключительно подцензурной наукой эпохи сталинизма, а имеет более глубокие онтологические корни, но это тема отдельного исследования. Заметим лишь, что колоссальное гражданское, да и просто человеческое мужество нужно было тем, кто начинал игры с государством и при этом хотел оставаться человеком, придерживаться собственных принципов и не терять желания «подать руку» самому себе. Впрочем, тема «научного двоееречия» обширна и малоизучена, исследования советской науки, уделяющие особое внимание вопросам языка, редки и потому особенно ценны (Gerovitch 2002; Krementsov 1997; Mescheryakov 2008; Зинченко 1991; Мещеряков 2003, 2009).

5. *Интеллектуальная и организационная закрытость*: четкая самоидентификация психологов, демаркация границы между «своими» и «чужими», враждебность или настороженность к «чужим» и клановость в отношениях со своими. Характерно зафиксированное Г.П. Щедровицким высказывание

П.А. Шеварева, психолога дореволюционной школы Челпанова, об одной из групп советских психологов, применимое, думается, для характеристики социального устройства и межгрупповой динамики в советской психологии в целом: «Они — как одесские фарцовщики. Это группа, для которой нет истин, для них есть только “наш” или “не наш”, свой, принадлежащий группе, или чужой». И далее, Щедровицкий комментирует эти слова:

Надо сказать, старик был абсолютно прав, и я многократно убеждался в правильности его суждений... Проблема содержания, истины отходила всегда на задний план. Она не уходила вообще, она присутствовала, но она была всегда вторичной. Сохранение дружеских отношений внутри группы и борьба против других — вот это все вошло в их плоть и кровь. Они так воспитывались, это было всегда определяющим элементом их групповой культуры... Я просто фиксирую этот момент как факт образа жизни и культуры людей, усвоенных ими в тех, по-видимому, очень непростых, может быть, тяжелых, часто смертельных ситуациях, в которые они попадали. Но на этом примере хочется показать разницу между людьми того, предшествующего поколения, которые воспитывались в совершенно другой культуре, на совершенно других принципах, и людьми нового поколения, воспитывавшимися уже в 1920–1930-е годы (Щедровицкий 2001, 50–51).

6. *Номенклатурность*, пронизывающая все советское общество сверху донизу, в высшей степени характеризует и всю конструкцию советской психологии. Помимо жесткой иерархии научных должностей и административных назначений, номенклатурность имеет также непосредственное отношение как к историческому осмыслению советской психологии, так и к ее теоретическому наполнению. Основным инструментом поддержания номенклатурной иерархии в советской науке являются агиографическая традиция в освещении истории, культ отцов-основателей и «школостроительство» как легитимизация «своего» направления в науке (Gordin 2008). Более детально о проблемах «школостроительства» в психологии пишет С.А. Богданчиков в своей не опубликованной пока статье «Научные школы в советской психологии 1920–1930-х годов (историография проблемы)» (в печати).

7. *Научный изоляционизм* со всеми вытекающими моментами: незнание иностранных языков, низкая интегрированность советской психологии в международную науку (отдельные исключения в лице, например, А.Р. Лурия и некоторых его учеников только подтверждают общее правило), невладевание статистическими методами обработки данных и, шире, методологией количественного исследования, неумение представить эти исследования в соответствии со стандартами, принятыми в мировой науке, что неоднократно отмечалось западными исследователями (см., например: Berlyne 1964; Schneider & Pressley 1997).

Все вышеперечисленные характеристики создают весьма специфический образ советской науки. Советская психология, прошедшая через очень разные периоды условного «потепления» военного времени 1940-х и «хрущевской оттепели» рубежа 1950–1960-х, «закручивания гаек» начала «холодной войны» на рубеже 1940–1950-х, через брежневский застой 1970-х и вплоть до горбачевской перестройки второй половины 1980-х, пронесла тем не менее основной набор своих отличительных, «архетипических» призна-

ков, сформированных в период становления модели «большой сталинской науки» во второй половине 1930-х. Когда в «Историческом смысле психологического кризиса» Выготский писал о системе «объективных тенденций, с необходимостью заложенных в исторических задачах, выдвинутых ходом развития науки и действующих за спиной отдельных исследователей и теоретиков с силой стальной пружины», когда он призывал изучать не «мозаику добрых и злых волей исследователей», но «единство процессов перерождения научной ткани в психологии, которое и обуславливает волю всех исследователей», он не мог и предположить, какой непредвиденный смысл приобретут эти слова уже через несколько лет. Герметичный язык, идеологически нагруженное содержание, казуистические внутренние дискуссии о том, чья теория самая правильная и марксистская, — все это превратило советскую психологию в головоломку, в ребус, для дешифровки которого необходимо хорошо ориентироваться в идеологическом и социальном контексте и уметь читать между строк, что не только для западного, но даже и для отечественного исследователя было и остается весьма непростой задачей. Благодаря сделанному еще в 1920–1930-е годы отечественная психология заняла достойное место в истории мировой науки, но ее дальнейшая судьба напрямую зависит от того, будут ли критически осмыслены и преодолены те тенденции, которые сковывали ее развитие на протяжении многих десятилетий существования в «(полу)закрытом» режиме.

ЛИТЕРАТУРА

- Bauer 1952 — *Bauer R.A.* The new man in Soviet psychology. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1952.
- Berlyne 1964 — *Berlyne D.E.* Haply I may remember and haply I may forget (Review of P.I. Zinchenko, Involuntary remembering) // Contemporary psychology. 1964. № 9. P. 323–324.
- Berman 1939 — *Berman N.* Individual therapy and socialized living in the Soviet Union // Psychiatry. 1939. № 2. P. 525–532.
- Boring 1929 — *Boring E.G.* A history of experimental psychology. New York: Appleton — Century Company, 1929.
- Danziger 1990 — *Danziger K.* Constructing the subject: Historical origins of psychological research. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Dewey 1928/1984 — *Dewey J.* Impressions of Soviet Russia (1928) // John Dewey: The later works, 1925–1953 / Ed. J.A. Boydston. Vol. 3. P. 203–250. Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 1984.
- Dewey 1929/1990 — *Dewey J.* Unpublished writings: The Russian school system (1929) // John Dewey: The later works, 1925–1953. Vol. 17 / Ed. J.A. Boydston. P. 487–510. Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 1990.
- Gerovitch 2002 — *Gerovitch S.* From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics. Cambridge, MA: MIT Press, 2002.
- Gordin 2008 — *Gordin M.D.* Was There Ever a «Stalinist Science»? // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2008. Vol. 9. № 3. P. 625–639.
- Kojevnikov 2004 — *Kojevnikov A.B.* Stalin's Great Science. The Times and Adventures of Soviet Physicists. London: Imperial College Press, 2004.
- Kornilov 1930 — *Kornilov K.N.* Psychology in the light of dialectic materialism // Psychologies of 1930. Worcester, MA: Clark University press, 1930. P. 243–278.
- Krementsov 1997 — *Krementsov N.L.* Stalinist science. Princeton: Princeton University Press, 1997.

АНТОН ЯСНИЦКИЙ, ЕКАТЕРИНА ЗАВЕРШНЕВА

- Levitin 1982 — *Levitin K.* One is not born a personality. Profiles of Soviet education psychologists. Moscow: Progress, 1982.
- McFarland 1935 — *McFarland R.A.* Psychological research in Soviet Russia // *The Scientific Monthly*. 1935. Vol. 40(2). P. 177–181.
- Mescheryakov 2008 — *Mescheryakov B.G.* The Mnemic Effects of P.I. Zinchenko // *Journal of Russian and East European Psychology*. 2008. Vol. 46(6). P. 15–40.
- Pavlov 1930 — *Pavlov I.P.* Outline of the Higher Nervous Activity // *Psychologies of 1930* / Ed. C. Murchison. Worcester, MA: Clark University Press, 1930. P. 207–220.
- Rosenstein 1930/1932 — *Rosenstein L.M.* The development of mental hygiene in the Soviet Union as a public-health measure (1930) // *Proceedings of the First International Congress on Mental Hygiene* / Ed. F.E. Williams. Vol. 1. New York: The International Committee for Mental Hygiene, Inc., 1932. P. 145–148.
- Rütting 2002 — *Rütting T.* Pavlov und der Neue Mensch: Diskurse über Disziplinierung in Sowjetrußland. München: Oldenbourg, 2002.
- Salkind 1932 — *Salkind A.B.* The fundamentals and the practice of mental hygiene in adolescence and youth in Soviet Russia (1930) // *Proceedings of the First International Congress on Mental Hygiene* / Ed. F.E. Williams. Vol. 1. P. 148–150. N.Y.: The International Committee for Mental Hygiene, Inc., 1932.
- Scheerer 1980 — *Scheerer R.* Gestalt psychology in the Soviet Union // *Psychological Research*. 1980. Vol. 41(2/3). P. 113–132.
- Schneider, Pressley 1997 — *Schneider W., Pressley M.* Memory development between two and twenty (2nd ed.). Hillsdale, N.J.: Erlbaum & Associates, 1997.
- Schniermann 1930 — *Schniermann A.L.* Bekhterev's Reflexological School // *Psychologies of 1930* / Ed. C. Murchison. Worcester, MA: Clark University Press, 1930. P. 221–242.
- Schultz & McFarland 1935 — *Schultz R.S., McFarland R.A.* Industrial psychology in the Soviet Union // *Journal of Applied Psychology*. 1935. Vol. 19. P. 265–308.
- Timasheff 1946 — *Timasheff N.* The Great Retreat. The growth and decline of communism in Russia. New York: Dutton & Co., 1946.
- Van der Veer, Valsiner 1991 — *Van der Veer R., Valsiner J.* Understanding Vygotsky: A quest for synthesis. Cambridge, MA: Blackwell Publishers, 1991.
- Viteles 1938 — *Viteles M.S.* Industrial psychology in Russia // *Occupational psychology*. 1938. Vol. 12 (2). P. 85–103.
- Voslensky 1984 — *Voslensky M.* Nomenklatura: The Soviet ruling class. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1984.
- Williams 1934a — *Williams F.E.* Russia, youth, and the present-day world. Further studies in Mental Hygiene. New York: Farrar & Reinehart, 1934.
- Williams 1934b — *Williams F.E.* Soviet Russia fights neurosis. London: Routledge, 1934.
- Yasnitsky, Ferrari 2008a — *Yasnitsky A., Ferrari M.* From Vygotsky to Vygotskian psychology: Introduction to the history of the Kharkov school // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 2008. Vol. 44 (2). P. 119–145.
- Yasnitsky, Ferrari 2008b — *Yasnitsky A., Ferrari M.* Rethinking the early history of post-Vygotskian psychology: the case of the Kharkov school // *History of Psychology*. 2008. Vol. 11(2). P. 101–121.
- Zacharoff 1931 — *Zacharoff L.* Mental hygiene in Soviet industry // *Mental hygiene*. 1931. Vol. 15. P. 522–526.
- Александров 1996 — *Александров Д.А.* Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // *Вопросы истории естествознания и техники*. 1996. № 3. С. 3–24.
- Ананьев 1931 — *Ананьев Б.Г.* О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции в психологии // *Психология*. 1931. Т. 4 (№ 3/4). С. 325–344.

- Ананьев 1935 — *Ананьев Б.Г.* Психология педагогической оценки. Л.: Издательство Ленинградского педагогического института, 1935.
- Бастракова 1973 — *Бастракова М.С.* Становление советской системы организации науки (1917–1922). М.: Наука, 1973.
- Батыгин, Девятко 1994 — *Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Социология и власть: эпизоды советской истории // Тоталитаризм и посттоталитаризм (Статьи и подготовительные материалы). Кн. 2. М.: ИС РАН, 1994. С. 174–201.
- Бехтерев 1925 — *Бехтерев В.М.* Психология, рефлексология и марксизм. Л.: Издательство Государственного рефлексологического института по изучению мозга, 1925.
- Блонский 1934 — *Блонский П.П.* Педология: Учебник для высших педагогических учебных заведений. Допущен Наркомпросом РСФСР. Москва: Учпедгиз, 1934.
- Блонский 1936 — *Блонский П.П.* Педология: Учебник для высших педагогических учебных заведений. 2-е изд. Москва: Учпедгиз, 1936.
- Богданчиков 1999 — *Богданчиков С.А.* О К.Н. Корнилове и его научном наследии // Корнилов К.Н. Естественнонаучные предпосылки психологии. М.; Воронеж, 1999. С. 5–20.
- Богданчиков 2002 — *Богданчиков С.А.* Забытый съезд (О Первом Всесоюзном съезде по изучению поведения человека) // Вопросы психологии. 2002. № 3. С. 89–98.
- Богданчиков 2006 — *Богданчиков С.А.* К вопросу о термине «советская психология» // Вопросы психологии. 2006. № 2. С. 80–88.
- Богданчиков 2007 — *Богданчиков С.А.* Советская психология 1920-х годов (восемь очерков). Саратов, 2007.
- Богданчиков 2008 — *Богданчиков С.А.* Советская психология накануне 1936 года // Вопросы психологии. 2008. № 1. С. 156–164.
- Божович 1972 — *Божович Л.И.* Изучение мотивации поведения детей и подростков // Проблема развития мотивационной сферы ребенка / Ред. Л.И. Божович, Л.В. Благоннадежина. М.: Педагогика, 1972. С. 7–42.
- Булгакова 2007 — *Булгакова О.* Теория как утопический проект // НЛЮ. 2007. № 88 (<http://magazines.russ.ru/nlo/2007/88/bu3.html>).
- Выготский 1934a — *Выготский Л.С.* Мышление и речь. Психологические исследования. М.: Соцэкгиз, 1934.
- Выготский 1934b — *Выготский Л.С.* Основы педологии. М.: Издательство 2-го Московского медицинского института, 1934.
- Выготский 1935a — *Выготский Л.С.* Основы педологии. Л.: Издательство Ленинградского педагогического института, 1935.
- Выготский 1935b — *Выготский Л.С.* Умственное развитие детей в процессе обучения / Сборник статей. М.; Л.: Учпедгиз, 1935.
- Геллерштейн 1930 — *Геллерштейн С.Г.* Психотехника // Основные течения современной психологии / Ред. Б.А. Фингерт, М.Л. Ширвиндт. М.; Л.: Госиздат, 1930.
- Геллерштейн 1933a — *Геллерштейн С.Г.* О психологии труда в работах К. Маркса // Советская психотехника. 1933. Т. 6. № 1. С. 1–10.
- Геллерштейн 1933b — *Геллерштейн С.Г.* Психотехника // Большая медицинская энциклопедия / Под ред. Н.А. Семашко. М.: Государственное словарно-энциклопедическое издательство «Советская энциклопедия»; ОГИЗ РСФСР, 1933.
- Дмитриев 2007 — *Дмитриев А.* «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // НЛЮ. 2007. № 88. С. 10–38 (<http://magazines.russ.ru/nlo/2007/88/dm2.html>).
- Завершнева 2007 — *Завершнева Е.* «Путь к свободе» (К публикации материалов из семейного архива Л.С. Выготского) // НЛЮ. 2007. № 85 (<http://magazines.russ.ru/nlo/2007/85/>).

АНТОН ЯСНИЦКИЙ, ЕКАТЕРИНА ЗАВЕРШНЕВА

- Завершнева 2008a — *Завершнева Е.* Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива (часть 1) // Вопросы психологии. 2008. № 1. С. 132—145.
- Завершнева Е. 2008b — *Завершнева Е.* Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива (часть 2) // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 120—136.
- Завершнева 2009 — *Завершнева Е.* Исследование рукописи Л.С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» // Вопросы психологии. 2009. № 6.
- Занков 1935 — *Занков Л.В.* Очерки психологии умственно отсталого ребенка. М.: Учпедгиз, 1935.
- Занков 1939 — *Занков Л.В.* Психология умственно отсталого ребенка: Учебное пособие для пединститутов. М.: Учпедгиз, 1939.
- Занков, Данюшевский 1940 — Вопросы психологии глухонемых и умственно отсталых детей / Ред. Л.В. Занков, И.И. Данюшевский. М.: Учпедгиз, 1940.
- Занков, Соловьев 1940 — *Занков Л.В., Соловьев И.М.* Очерки психологии глухонемого ребенка. М.: Учпедгиз, 1940.
- Запорожец 1960 — *Запорожец А.В.* Развитие произвольных движений. М.: АПН, 1960.
- Зинченко 1991 — *Зинченко В.П.* Системный анализ в психологии? (Развернутый комментарий к тезисам А.Н. Леонтьева, или Опыт психоаналитической интерпретации в науке) // Психологический журнал. 1991. Т. 12 (№ 4). С. 120—138.
- Зинченко 1993 — *Зинченко В.П.* Пётр Яковлевич Гальперин (1902—1988): Слово об Учителе // Вопросы психологии. 1993. № 1.
- Зинченко 1995 — *Зинченко В.П.* Становление психолога (К 90-летию со дня рождения А. В. Запорожца) // Вопросы психологии. 1995. № 5.
- Коган 1993 — *Коган Л.А.* «Выслать за границу безжалостно» (Новое об изгнании духовной элиты) // Вопросы философии. 1993. № 9. С. 61—84.
- Коган 2002 — *Коган Л.А.* На подступах к советской философии (первые «свердловцы», «соц. академики», «икаписты») // Вопросы философии. 2002. № 5. С. 112—140.
- Кольцов 1982 — *Кольцов А.В.* Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР (1926 — 1932). Л.: Наука, 1982.
- Коржихина, Фигатнер 1993 — *Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25—38.
- Корнилов 1923 — *Корнилов К.Н.* Психология и марксизм // Под знаменем марксизма. 1923. № 1.
- Корнилов 1924 — *Корнилов К.Н.* Психология и марксизм // Психология и марксизм / Ред. К.Н. Корнилов. Л.: Государственное издательство, 1924.
- Корнилов 1934 — *Корнилов К.Н.* Психология: Учебник для высших педагогических учебных заведений. М.: Учпедгиз, 1934.
- Корнилов, Теплов, Шварц 1938 — *Корнилов К.Н., Теплов Б.М., Шварц Л.М.* Психология. М.: Учпедгиз, 1938.
- Корнилов, Теплов, Шварц 1941 — *Корнилов К.Н., Теплов Б.М., Шварц Л.М.* Психология. 2-е издание. М.: Учпедгиз, 1941.
- Костюк 1939 — *Костюк Г.С.* Психология. Посібна книга для студентів педагогічних вищих шкіл. Київ, 1939.
- Костюк 1941 — *Костюк Г.С.* Психология. Посібна книга для студентів педагогічних вищих шкіл. Друге видання, стереотипне. Київ, 1941.
- Культурное строительство в СССР 1956 — Культурное строительство в СССР. М.: Госстатиздат, 1956.

- Левина 1936 — *Левина Р.Е.* К психологии детской речи в патологических случаях (автономная детская речь). М.: Экспериментально-дефектологический институт им. М.С. Эпштейна, 1936.
- Ленин 1999 — *Ленин В.И.* Неизвестные документы 1891–1922. М., 1999.
- Лурия 1924 — *Лурия А.Р.* Психоанализ как система монистической психологии // Психология и марксизм / Ред. К.Н. Корнилов. Л.: Государственное издательство, 1924. С. 47–80.
- Лысенко 1943 — *Лысенко Т.Д.* Агробиология: Сборник работ по вопросам генетики, селекции и семеноводства. Москва: Сельхозгиз, 1943.
- Макаров 2002 — *Макаров В.Г.* «Власть ваша, а правда наша» (к 80-летию высылки интеллигенции из Советской России в 1922 г.) // Вопросы философии. 2002. № 10. С. 108–155.
- Макаров, Христофоров 2003 — *Макаров В.Г., Христофоров В.С.* Пассажиры «философского парохода» (судьбы интеллигенции, репрессированной летом–осенью 1922 г.) // Вопросы философии. 2003. № 7. С. 113–137.
- Марр 1933 — *Марр Н.Я.* Вопросы языка в освещении яфетической теории: Избранные отрывки из работ Н. Я. Марра / Сост. В.Б. Аптекарь. Л.: ГАИМК, 1933.
- Мемориал — Мемориал. Жертвы политического террора в СССР: Гастев Алексей Капитонович (<http://lists.memo.ru/d8/f150.htm#n193>); Шпильерн Исаак Нафтулович (<http://lists.memo.ru/d37/f281.htm#n163>).
- Мещанинов 1929 — *Мещанинов И.И.* Введение в яфетологию. Л.: Прибой, 1929.
- Мещеряков 2003 — *Мещеряков Б.Г. П.И. Зинченко и психология памяти* // Вопросы психологии. 2003. № 4. С. 84–103.
- Мещеряков 2007 — *Мещеряков Б.Г. Л.С. Выготский и его имя* // Культурно-историческая психология. 2007. № 3. С. 90–95.
- Мещеряков 2009 — *Мещеряков Б.Г.* Мнемические эффекты П.И. Зинченко // Культурно-историческая психология. 2009. № 2. С. 5–13.
- Овчаренко, Марцинковская 2005 — *Овчаренко В.И., Марцинковская Т.Д.* Залкинд, Арон Борисович // История психологии в лицах: Персоналии / Ред. Л.А. Карпенко & А.В. Петровский. М.: ПЕР СЭ, 2005.
- Огурцов 1989 — *Огурцов А.П.* Подавление философии // Суровая драма народа. М.: ИПЛ, 1989. С. 353–374 (<http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/ogur89sd.htm>).
- Ротенберг — *Ротенберг В.* Триумф бессознательного (http://www.rjews.net/v_rotenberg/1m.html).
- Рубинштейн 1934 — *Рубинштейн С.Л.* Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Советская психотехника. 1934. № 7 (1). С. 3–20.
- Рубинштейн 1935 — *Рубинштейн С.Л.* Основы психологии. Пособие для высших педагогических учебных заведений. М.: Учпедгиз, 1935.
- Рубинштейн 1940 — *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1940.
- Савенко 2003 — *Савенко Ю.С.* Леон Лазаревич Рохлин (1903–1984) // Независимый психиатрический журнал (<http://www.npar.ru/journal/2003/2/rokhlin.htm>).
- Савенко 2004 — *Савенко Ю.С.* Лев Маркович Розенштейн (1884–1934) // Независимый психиатрический журнал (<http://www.npar.ru/journal/2004/3/rozenshtein.htm>).
- Савенко 2006 — *Савенко Ю.С.* Филипп Вениаминович Бассин — Вольтер отечественной психоневрологии (1905–1992) // Независимый психиатрический журнал (<http://www.npar.ru/journal/2006/3/bassin.htm>).
- Соловей 1997 — *Соловей Т.Д.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997.

АНТОН ЯСНИЦКИЙ, ЕКАТЕРИНА ЗАВЕРШНЕВА

- Стоюхина 2006 — *Стоюхина Н.Ю.* Два столетия преподавания психологии в российской школе // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «IV московские встречи», 26–29 июня 2006 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2006.
- Узнадзе 1933 — *Узнадзе Д.Н.* Педология. Тбилиси, 1933.
- Узнадзе 1940 — *Узнадзе Д.Н.* Общая психология. Тбилиси, 1940.
- Умрихин 1991 — *Умрихин В.В.* «Начало конца» поведенческой психологии в СССР // Репрессированная наука / Под ред. М.Г. Ярошевского. Л.: Наука, 1991.
- Фейгенберг 1996 — Л.С. Выготский: начало пути: Воспоминания С.Ф. Добкина о Льве Выготском: [Публикация, редакция, предисловие и комментарии И.М. Фейгенберга]; Ранние статьи Л.С. Выготского. Иерусалим: Иерусалимский издательский центр, 1996.
- Фридман 1924 — *Фридман Б.Д.* Основные психологические воззрения Фрейда и теория исторического материализма, 1924 // Психология и марксизм / Ред. К.Н. Корнилов. Л.: Государственное издательство, 1924. С. 113–160.
- Хлевнюк 1996 — *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996.
- Щедровицкий 2001 — *Щедровицкий Г.П.* Я всегда был идеалистом... М.: Путь, 2001.
- Эткинд 1990 — *Эткинд А.М.* Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого: опыт прикладной психологии 20-х годов // Вопросы психологии. 1990. № 5. С. 13–21.
- Эткинд 2005 — *Эткинд А.М.* «Одно время я колебался, не антихрист ли я»: субъективность, автобиография и горячая память революции // НЛО. 2005. № 73 (<http://magazines.russ.ru/nlo/2005/73/etk2.html>).
- Яacobson 1936 — *Яacobson П.М.* Психология сценических чувств актера. М.: Гослитиздат, 1936.
- Ясницкий 2008 — *Ясницкий А.* Очерк истории Харьковской школы психологии: период 1931 – 1936 гг. // Культурно-историческая психология. 2008. № 3. С. 92–102.
- Ясницкий 2009 — *Ясницкий А.* Очерк истории Харьковской школы психологии: первая научная сессия Харьковского государственного педагогического института и появление «Харьковской школы психологии» (1938) // Культурно-историческая психология. 2009. № 2. С. 95–106.
- Ясницкий (в печати) — *Ясницкий А.* Международные контакты советской психологии 1920–1930-х: зарубежные конференции, механизмы и технология сотрудничества.
- Яхот 1991 — *Яхот И.* Подавление философии в СССР (20–30-е годы) // Вопросы философии. 1991. № 9. С. 44–68.